

УДК 821.161.1-25(Коляда Н.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,446

Н. Л. Лейдерман

Екатеринбург, Россия

О НИКОЛАЕ КОЛЯДЕ

Аннотация. Представлена расшифровка беседы Н. Л. Лейдермана о Н. Коляде, записанной в феврале 2010 года. Автор подробно рассказывает о встречах с драматургом, об истории создания своей монографии «Драматургия Николая Коляды», дает анализ творчества драматурга. Н. Л. Лейдерман говорит и о причинах популярности Коляды как в России, так и на Западе. Также автор касается современного состояния театра Коляды и роли драматурга в создании Уральской драматургической школы.

Ключевые слова: Николай Коляда, драматургия, современная русская литература, Коляда-театр, Уральская драматургическая школа.

N. L. Leiderman

Yekaterinburg, Russia

ABOUT THE NIKOLAY KOLYADA

Abstract. The article presents a transcript of a talk with N. L. Leiderman about N. Kolyada, recorded in February 2010. The author speaks in detail about his meetings with the dramatist, about the history of writing his monograph «Dramatic Works of Nikolay Kolyada» and provides an analysis of the dramatist's creative legacy. N. L. Leiderman also dwells on the reasons of popularity of N. Kolyada both in Russia and in the West. The author touches upon the modern state of the Kolyada Theatre and the role of the dramatist in the creation of the Urals dramatic school.

Keywords: Nikolay Kolyada, dramatic works, modern Russian literature, the Kolyada Theatre, the Urals dramatic school.

Введение

В сентябре 2015 года исполняется 5 лет со дня смерти выдающегося литературоведа, основателя кафедры современной русской литературы УрГПУ и журнала «Филологический класс» Наума Лазаревича Лейдермана. Его итоговый труд, посвященный теории жанра [Лейдерман 2010], является заметным явлением в современном литературоведении. Профессор Лейдерман известен также как соавтор вузовского учебника литературы [Лейдерман, Липовецкий 2008], в котором русская литература XX века впервые рассматривается как цельное явление, вне идеологических разделений. Наум Лазаревич является автором множества научных, публицистических и критических статей, которые, будучи безусловно значимыми в литературоведческом контексте, оказали громадное влияние на его учеников и последователей, сформировав научную школу, которая существует до сих пор. В числе таких публикаций Н. Л. Лейдермана примечательное место занимают книга и статья, посвященные творчеству выдающегося драматурга Николая Коляды [Лейдерман 1997, 1999]. Н. Л. Лейдерман первым исследовал творчество Н. Коляды, инициировав целое научное направление [Богданова 2004; Громова 2005; Канунникова 2003; Липовецкий, Боймерс 2012]. Безусловным приоритетом работ Наума Лазаревича является отношение к творчеству драматурга-современника не как к поводу для создания рецензий, часто отягощенных ситуационными факторами театрального мира, а как к полноценному объекту научного исследования. Эти работы, на наш взгляд, оказали решающее влияние на репутацию Н. Коляды в России. Современные исследования творчества Н. Коляды [Жарский 2015; Жарский 2014; Щербаква 2013] и

Уральской драматургической школы [Возмищева 2013; Харибьянова 2013] свидетельствуют об актуальности подхода Н. Л. Лейдермана.

В 2010 году кафедра современной русской литературы УрГПУ начала проект под названием «Неолит». Предполагалось записать цикл бесед и интервью ведущих уральских литературоведов об уральских поэтах, писателях и драматургах. В рамках этого проекта была сделана запись беседы Н. Л. Лейдермана о Н. Коляде. По ряду причин этот проект был приостановлен, но видеозапись, сделанная 5 лет назад, сохранилась. Для исследователя обнаружение неопубликованного труда классика, или даже его фрагмента — это всегда праздник. Тем более если это — развернутое повествование на тему, которая близка и автору, и современному читателю. Расшифровка данной беседы приведена ниже. Особый интерес в этом тексте представляет то, что Наум Лазаревич восстанавливает историю своих контактов с Н. Колядой, подробно рассказывает о предыстории появления монографии о творчестве Н. Коляды и, через 13 лет после ее появления, формулирует свой взгляд на творчество драматурга. Поскольку в тексте содержатся даты, персоналии и екатеринбургские реалии пятилетней давности, мы сочли необходимым комментировать некоторые их них.

Устная речь, тем более обращенная к студентам, очевидным образом отличается от научного текста. Мы старались полностью передать все особенности речи Н. Л. Лейдермана. Но невозможно в тексте передать интонации, смысловые паузы, оговорки (иногда мнимые), мимику и жесты, а самое главное — артистизм рассказчика. Тем не менее, расшифровка видеозаписи выглядит гораздо искренней, чем обычный печатный текст. Возможно, сам автор и сгладил бы при публикации некоторые

выражения и характеристики, особенно учитывая свой многообразный опыт. Но мы не сочили возможным что-либо купировать или, тем более, изменять в тексте беседы Наума Лазаревича. Ведь таким образом, мы стали бы редакторами, или даже соавторами профессора Лейдермана. Но мы уверены, что не имеем права на такое вмешательство.

Публикуется с разрешения наследников Н. Л. Лейдермана.

Введение, расшифровка и примечания В. С. Горикова.

Запись беседы Н. Л. Лейдермана со студентами филологического факультета УрГПУ о творчестве Н. Коляды. 6 февраля 2010 года.

Беседовала *Анастасия Титова*.

Запись сделана в формате Video MP4, общий объем записи 616 Мб.

Продолжительность: 52:47 (первый файл 13:38; второй файл 39:09).

Анастасия Титова (Далее АТ): *Сейчас...*

Наум Лазаревич Лейдерман (Далее НЛЛ): Ну ладно, хорошо, давай...

АТ: *Как произошло Ваше знакомство с Николаем Колядой?*

НЛЛ: Вы знаете, это... Нет, очень долгая история. Дело вот в чем. Где-то в конце семидесятых годов меня послали вести такой семинар по эстетике в наш драмтеатр¹. Я к ним пришел, и мы у них встречались раз в месяц. Собирались весь коллектив театра. Я с ними вел занятия, честно говоря, о современной литературе, драматургии, ну в общем, мне было с ними интересно, я многое у них понял. Ну и с другой стороны, они всю старались читать, поразили они меня тем, как жадно они все воспринимали. И вот в этом большом кабинете главного режиссера Свердловского драмтеатра Александра Львовича Соколова² все сидели по периметру, и в кабинете в уголке я увидел такого губастого паренька. Так он сидел внимательный, какой-то насуспенный. Потом я узнал, что вот это и есть тот парень, которого зовут Николай Коляда. Коля Коляда его все звали простенько. Что он недавно пришел из театрального училища. И что вот тут вошел в труппу, и я его однажды даже видел в спектакле [по пьесе Валерия] Аграновского «Остановите Малахова!», о трудном подростке, который там натворил всякие чудеса и прочее, прочее...

Но в принципе, у артиста судьба очень часто зависит от того, как он... поглянулся он режиссеру, не поглянулся. Вот Коляда как-то не вписывался в тот, так сказать ряд, актеров, которые нужны были Соколову. И он маялся, он начал сам себе выдумывать какие-то постановки. Вот он сам

сделал, знаете что? «Записки сумасшедшего». И сделал моноспектакль в свое время.

Но потом, короче говоря, он ушел из театра³. Потому что не пошло. И мыкался самым страшным образом по Свердловску. Мыкался, и в многотиражке работал, и черт знает где. И вот однажды у нас проводили очередной семинар молодых литераторов Свердловской области. У нас так делали обычно раз в три года [под эгидой] Союза писателей. И на Шарташе, такой есть дом отдыха, что ли. Так, нас собрали, это была группа молодых писателей, начинающих литераторов, которые присылали на этот семинар кучу своих изделий. Кто стихи, кто пьесы, кто рассказы, кто повести, кто роман. Так, и нам распределили эти пьесы. Ну кому [достаются] эти произведения, ну кому — критикам, литературоведам. Мне тоже дали несколько вот таких вот простых папок для бумаг. И одна из них была вот такая, как бы сказать: канцелярская папка, толщины где-то на сто с гаком страниц, и написано: Н. Коляда. Я открываю эту папку, и там идет целая серия рассказов, рассказов, которые тогда меня удивили. Чем? Это были рассказы, написанные драматургом. Он великолепно, понимаете, во-первых, видит ситуацию: комическую, конфузную, парадоксальную. Во-вторых, он умеет развернуть диалог, понимаете? Это же особое искусство, так? И я помню даже, что я из этой кучи рассказов выделил два, даже помню, как они назывались: «Царица Тамара» и «Тима». Ну не буду рассказывать о чем они... Так, приношу их в журнал «Урал»: «Напечатайте ребята, вот парень какой-то интересный, необычный». Но почему-то эти рассказы не пошли, видимо, в то время главный редактор не воспринимал такую литературу⁴. А Коляда исчез и оказывается он, по-моему, с теми же вещами поехал в Москву, поступил на заочное отделение Литинститута, но на прозу. И он окончил там отделение прозы. А вышел он к нам с пьесой, которая называется «Игра в фанты». «Игра в фанты» — 86-й, по-моему, год, да? Он ее привез сюда, где-то я не знаю, ставили или нет, но ее у нас попробовали поставить. И я как раз сидел на прогоне этой пьесы, знаешь, что такое прогон, да? Когда вот мы сидим, ну кто сидит — режиссер сидит, директор сидит, вот критик, а они там на сцене стараются что-то ... [нрзб.] может так сделать, а может эдак, может все сделать. Пьеса была интересная и неожиданная для меня. Но она вписывалась тогда, вы знаете в ряд вот этих жестоких пьес. Вы читали когда-нибудь [пьесу Людмилы] Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна», вот пьеса о том, как молодые люди, не воспитанные в сочувствии и в понимании, совершают буквально издевательство над другим хорошим человеком, который им добро приносил.

¹ По всей видимости, это было в 1977 году, поскольку Н. Коляда окончил Свердловское театральное училище и был принят в труппу драмтеатра в 1977 году, а в 1978–1980 годах он служил в Советской армии. См.: kolyada.ur.ru/category/biografiya/

² А. Л. Соколов (1927–1981) — главный режиссёр Свердловского (с 1977 года — академического) театра драмы, 1967–1981.

³ Н. Коляда ушёл из театра драмы в 1983 году. См.: kolyada.ur.ru/category/biografiya/

⁴ Первая публикация Н. Коляды в журнале «Урал» состоялась в 1984 году. *Коляда Н.* Миллион, Балерина // Журнал «Урал». 1984. № 10.

[В пьесе Разумовской] не совсем так, но около того. Это пьеса о бесчувственности.

Ну, все, и пьеса [Коляды] пошла. [...] А потом Коляда стал пьесы эти писать, что называется одну за другой. Он, понимаете, он человек, который пишет, как говорится, очередями. У него я не знаю уже сколько пьес, я клянусь вам, что все прочесть у меня не хватило ни сил, ни возможностей. Но я думаю, сейчас у него..., я боюсь ошибиться, но может быть около ста пьес⁵. Около ста, понимаете? Так, но когда я вот писал эту книжку, у него было уже за шестьдесят. Это было в 97-м году. Но конечно я хочу подчеркнуть, что это пьесы особого объема. Ведь теперь пьеса ставится для того, чтобы ее можно было играть полтора часа. Это Шекспира надо играть пять часов, а современного драматурга надо играть полтора часа, в крайнем случае, делать один короткий антракт и все, а иногда и без антракта. Поэтому эти пьесы напоминают как бы короткие рассказы. Отсюда и такое количество пьес. А потом, когда автор пишет много пьес, есть какая опасность? Раз на раз не приходится — одна удачная, другая неудачная. Одна пошла по всей России, вышла за границы там, вокруг нее шум, гам; а тут она не идет, или идет плохо. Во всяком случае, вот получилось дальше так.

Он эти пьесы пишет, здесь в Свердловске их поругивают [нрзб.]: Коляда чернуху гонит, сейчас пошла мода на чернуху, все показать как больше там мерзостей и пакостей жизни, герои не говорят на сцене, а только матерятся. Помойные ведра, в общем вот такое все, что смотреть?

И он написал вот, сборник, написал ряд пьес и выпустил первый свой сборник, вот он, это первый сборник Коляды, посмотрите, называется «Пьесы для любимого театра». Так, и в это время мы собрали коллектив литературоведов Урала, чтобы написать такую книжку, по существу историю литературного движения на Урале. От его начала, до сегодняшнего дня, то есть, с XV века, до сегодняшнего дня. И такую книжку мы сели писать. Я повторяю, это началось у нас в 96-м году. Мы распределились, каждый пошел писать свое, а я в числе глав, которые на себя взял, взялся написать главку о Коляде. Так просто, в числе других глав. И вот, в это время я выиграл грант Фулбрайта на годичную поездку в Америку для научно-исследовательской работы. И я поехал заниматься там своей работой, теорией жанра, и прихватил с собой эту книжку Коляды в расчете на что? Ну вот я там, между делом напишу на полтора листа главочку. Понимаешь, что такое полтора листа? Тридцать страничек — все. И я начал читать Коляду. И въехал в него по уши. Мне он стал так интересен. Ну там были эти пьесы, знаете какие? Которых я называю жестокие трагифарсы.

⁵ По данным на январь 2008 у Н. Коляды было 93 пьесы. См.: ЖЖ Н. Коляды. Про себя, любимого. 24.01.2009 <http://kolyadanik.livejournal.com/873852.html#cutid1>. В середине 2014 года у Н. Коляды было 108 пьес. См.: Н. Коляда. «В театр надо вкладывать идеи» (Интервью С. Новиковой) // Современная драматургия. 2014. № 2. Апр.—июнь. С. 2–3; 202–204.

«Мурлин Мурло», «Чайка спела», «Полонез Огиньского», «Канотье», «Сказка о мёртвой царевне», ну и наконец, вот эта ... «Рогатка» — тяжелые пьесы. Я их читаю и чувствую, что это настоящая, мощная драматургия. Я решил написать как-то поосновательней. Связался с Колядой и сказал: «Николай Владимирович, мне хочется знать, что о Вас вообще-то писали и печатали». Он говорит: «А вот есть в Германии такое издательство Хоффмана⁶, которому я доверил все отношения с ограниченными всякими театрами, переизданиями и прочими вещами, они собирают какие-то там материалы обо мне». Я связался с этим издательством Хоффмана и мне туда в Америку, в город Эванстон, где я был на годичной стажировке, прибывает посылка — вот такой ящик, основательный, и в нем вырезки из самых разнообразных газет со всего мира. Понимаете? Вот я тут могу показать некоторые кусочки отсюда. Эти вырезки. И когда я эти вещи стал листать, я обнаружил, что Коляду не поставили только у пингвинов в Антарктиде. В остальных частях земного шара его уже поставили. И рецензии идут отовсюду: из балканских стран, из Скандинавии, где-то там на Цейлоне, бог весть где, и в Германии конечно там, в Италии, и в Соединенных Штатах. Но, но, когда я читал все-таки эти все отзывы и рецензии, я пришел к выводу, что Коляду не понимают. Вот, и тут возник вопрос, что надо бы как-то разобраться с ним, поосновательней. И тогда я написал книжечку о Коляде. По существу, вместо главки в полтора листа у меня получилась книжка, которую я привез сюда, и не знаю, зачем и кому она нужна. Ну думаю, ну я написал, а, знаете, пристроить книжку тяжело. И вдруг мне говорят: «Наум Лазаревич, вы знаете, у нас вот сейчас будет юбилей Коляды, ему будет сорок пять лет⁷, нет ли у вас чего-нибудь такого?». Конечно, говорю, есть! Я дал им эту рукопись и через месяц вышла книжечка, вот эта — «Николай Коляда»..., «Драматургия Николая Коляды». Это первая монографическая работа о Коляде. Видите, какая маленькая книжка, но я писал ее в расчете на то, чтобы ее могли читать не только высоколбые филологи, а просто нормальные люди, любители театра. И вот здесь я попытался разобраться с Колядой.

Что тут самое существенное? Мне показалось, что Коляда, в отличие от множества других писателей: и драматургов, и прозаиков, которые действительно погрузились в «чернуху», показывая мерзопакостность нашей жизни ... как это сказать... темноту самодовольного совкового существования, понятно, что это значит? Они, вместе с тем, как бы, в какой-то мере начинают упиваться этой мерзостью. Понимаете, есть какой-то кайф, когда показываешь мерзость. Так? Я считаю, что этот кайф какой-то, как бы сказать, не то чтоб хулиганский, а кайф низкопробный, на мой взгляд. Это низовой уровень культуры. Посмаковать, ну как сказать... ну то, что не дозволено, клубничку, сказать так, чтобы

⁶ Мировые права на все пьесы Н. Коляды принадлежат немецкому издательству Хартманн и Стауфхер, Кельн, Германия (Hartmann&Stauffacher, Koln). См.: <http://www.theatre.ru/drama/koljada/>

⁷ В 1997 году Н. Коляде исполнилось 40 лет.

покоробило, потому что так не принято говорить. Короче говоря, это чернуха для эпатажа, понятно? Эпатируй разок-другой, но все время эпатировать — толку нет.

А у Коляды совсем другое. С одной стороны, он пишет чернуху. Обратите внимание, все, что он пишет в своих пьесах, это наша сегодняшняя повседневность, больше того, вот выгляните за окно⁸, вон там вот, он пишет «улица Шмидта» — вот тут вот рядом, там общага консерватории. Вот баня, он описывает вот тут вот. Буквально можно всю географию Свердловска показать по его пьесам. А сам он показывает кого? Да тех людей, которые...

На этом первая часть записи обрывается.

Продолжение записи.

АТ: *Что интересно Вам в творчестве Николая Коляды?*

НЛЛ: Я еще раз повторю, что Коляда, в отличие от других драматургов и прозаиков, которые, особенно в 70-е — 90-е годы, упивались чернухой, получали какой-то кайф, от того, что погружали нас в грязь и мерзость, он сделал по-другому. Он показал, что мы все ведем чернушное существование. Когда у нас шла дискуссия о Коляде, кто-то сказал: «он показывает людей дна». Я сказал: «Нет!». Посмотрите на персонажей Коляды, там есть все виды профессий: и учителя там есть, и шофера там есть, кто хочешь, там нет подонков, там нет бомжей! Там абсолютно, так сказать, наши люди! Наши люди. Но ведут они донное существование. Вот в чем ужас. Это я называю термином «совковое существование». Которое у нас так сформировалось за десятилетия. И суть такого существования состоит в чем? В ужасе [от того], что они живут на дне и привыкли к нему. Что они живут в грязи, в мерзости, в унижении друг друга и считают это нормой — вот что написал Коляда. Так чем же он отличается от других [авторов]? Герои его считают вот это черное существование нормой, а он показывает этих героев, говорит нам, зрителям: «Подумайте, как вы живете!». Поняли, вот в чем фокус? Помнишь, Мурлин Мурло говорит: «**Чо**, хорошо живём, вот тут статуи у нас стоят!». Или в «Сказке о мёртвой царевне»: «**Чо**, хорошо живём, скоро октябрьски будут». Так, раз в год сейчас, нарежем, эту самую, откроем банку консервов, вы **чо**, нормально живем, ребята! Вот это, вот это признание того, что с точки зрения естественных человеческих исходных понятий давно является низостью, мерзостью, потерей своего лица, самоуничижением, распадом, мы это уже не воспринимаем болевым образом, для нас это уже привычка.

И вот, что показывает Коляда, что его герои, которые каким-то случайным образом сталкиваются хотя бы с маленькой искоркой нормального, начинают тянуться. Почему совершается трагедия героя из «Рогатки»? Почему кончает с собой героиня «Сказки о мёртвой царевне»? Почему? Один говорит,

вот пришел какой-то Антон, и меня, безногого инвалида, вытащил из-под машины. Ты посмотри, оказывается, есть человечность. Потом, эта самая героиня «Сказки о мёртвой царевне» — она влюбилась. Возлюбленный ее любовь не понимает, он такой ... он обыватель. Но она влюбилась и сам этот подъем до уровня любви делает ее зрячей и она видит как она живет! Понимаете? Как она живет! И тогда что они делают, эти герои, и герой «Рогатки», этот несчастный безногий и героиня «Сказки о мёртвой царевне» — они кончают с собой. Человек понял, что жить, так как он нельзя, и он предпочитает умереть, чем продолжать жить так, как он жил. Он смертью своей вырывается из своего мерзкого существования. Вы поняли? Это высокие трагедии!

А вместе с тем, посмотрите другие пьесы Коляды, вот эти малоформатные мелодрамы — «Персидская сирень», «Мы едем, едем, едем...». Там же все герои чего только хотят? «Ой, чтобы такое хорошенькое чтобы у нас было..., ну как бы, ну хоть вздохнуть, ну чтобы...». Вот один дундук там какой-то в «Персидской сирени» сам себе пишет письма. Ну хочется, чтобы было какое-то общение. И помните, какая там шикарная Ахеджакова играет с Жигаловым в театре «Современник»? Или возьмите, что происходит в «Мы едем, едем, едем...». Три человека случайно оказались в одной кровати. Ой, ребята, самое время разыграть, так сказать, клубничку! Да? А на самом деле они что разыгрывают? Они разыгрывают, что они все боятся змеи. На самом деле никто никакой змеи не боится, но им хочется побыть вместе, есть шанс подурить друг друга и побыть вместе. Понимаете? И там же есть очень интересный такой, у Миши такого, главного героя вот этого, который оказался там в кровати с этими двумя дамами. Он начал говорить, что он все хранит память о детстве, детские какие-то вещи, почему? Это для него — его святыни. Оказывается, святыни, это не только памятники каким-то вождям, или знамена, а что? Вот, какая-то вещичка, осталась, которая осталась от мамы, а вот фраза, которую моя мама говорила. Понимаете, это святыни. Я за них держусь, почему? Они позволяют мне быть на плаву и не идти на дно. Есть что-то человеческое, я очень его хочу. Вот ведь что играет Коляда!

Поэтому у Коляды странная вещь, парадоксальность какая. Он пишет, казалось бы, смешное, а на самом деле плакать хочется. Он же... У него натурализм глубоко сентиментальный. И дело не в том, что герои плакать должны, а плакать должны зрители. Понимаете? Порой вместе с героями, которых он любит. С другой стороны, чем Коляда берет? Он берет тем, что великолепно пишет речь. У него герои буквально играют словом. Дурачатся, ваньку валяют, всякие там перевертыши делают, черт знает что! Это интересно, это вкусно, помните там, как там... Ирина Зайцева, СССР, ... что-то там, ... впервые без намордника! Появляется героиня, да. Или там еще там всякие игровые фортели, иногда почти на грани мата. Но в чем состоит игра? В том, что вроде бы слышал мат, а на самом деле баловство. «Хрен с ним!», а он: «Ты **чо**, **чево** овощами ругаешься!». Помните, да? Вот это

⁸ Беседа записывалась в доме № 123 по ул. 8 Марта, где тогда жил Н. Л. Лейдерман. Названные топосы из пьес Коляды находятся в прямой видимости из окон квартиры.

все... Коляда балуется языком. Это и есть драматургия. Вы понимаете? Вот чем была подавлена наша драматургия в прежние десятилетия? На сцене звучала серая, канцелярская, кухонная речь. Или речь советского новояза: «Мы решили взять новые обязательства!» Или, «Вася скушай котлетку, я принесу тебе еще вторую порцию». А тут балуются, играют речью! Потому что все герои у Коляды в той или иной мере артисты. Ну там я уже разобрался, мне не хочется останавливаться на книжке, где разбираются типы героев. Помните там: обозленные, артисты и так далее. Но артистов он очень любит. А они что делают, они вносят искорку веселья и радости в этот темный мир. Они его карнавалом переворачивают. И это очень важно для Коляды. Почему? Потому что мало кто замечает, что почти все пьесы Коляды строят коллизию на грани жизни и смерти. Посмотрите на декорации у Коляды, там всегда есть герои наши современные, потом какая-то живность, то ли собака, то ли гусь какой-то там сидит, то ли еще чего-то. И обязательно есть какой-то знак смерти — черная дверь, или звуки похоронного марша — вот где живут люди. И Коляда напоминает — дураки вы, вы ж понимаете, что вы ведь живете в этом пространстве от рождения до смерти, на что вы тратите свое время, на какую чепуху вы убиваете себя, берегите вот это — чудо жизни. А что чудо жизни? Это пожалеть другого человека, он ведь тоже не вечен. Полюби его, постарайся ему помочь, поэтому помните, в пьесе Коляды абсолютно чужой человек, Виктор, по существу, усыновляет мальчишку. Потому что ему очень хочется, чтобы были поколения, и главное, говорит, главное, что ему важно? Чтобы вы были живы. Чтобы были здоровы, чтобы вы могли дольше жить. Без всяких там побеждать, одерживать, господство, величие. Тут живите подольше, здоровыми будьте. Мы говорим: «Будь здоров», знаете скороговоркой. Ведь главная форма какая? Будь здоров! Зачем? Живи, подольше живи, это же главное, что есть в жизни, все остальное факультативно, все остальное подчинено этому главному. Вот что пишет Коляда. И вот это сочетание, понимаете, чернухи, артистического карнавального баловства и этой философской подоплеки и создает ту самую ауру пьес Коляды. А отсюда, надо эту ауру перевести в спектакль. И тут, извините, дела плохи. Почему? Когда является каждый какой-то особый новый драматург, со своим особым драматургическим миром, со своим особым набором героев, особыми конфликтами, особой даже конструкцией сценического пространства и времени — и это значит, что он создал театр. Театр Островского, театр Чехова, театр там ... Горького. Понятно, театр Григория Горина. Понимаете, да? Это что, должен быть особый режиссер, который тебя правильно прочитывает? Должны быть особые актеры, которые умеют твои роли играть. Какой-нибудь особый художник, который умеет сценографию построить, как тебе надо. Понятно? У Коляды что же вышло? У него есть только одна актриса, которая играет Коляду. Это Лия Ахеджакова. Больше никто Коляду

толком не играет! А она играет как, вот на стыке серьезного и смешного, на стыке дурашливости и трагизма. Она это играет! Даже некоторые партнеры рядом с ней не выдерживают. Вот когда Жигалов играет с ней в «Персидской сирени», он же играет неверно, он играет довольно плоско, по сравнению с ее искрометной игрой. Второе, есть художник, вот его друг, Коляды, главный художник театра ... ну нашего, драматического театра — Владимир Кравцев. Тот умеет ставить Коляду, он умеет дать ощущение чего — сегодняшней коммунальной чернухи и вечности. Это он умеет. А больше ничего нету! Вот говорят — Виктюк! Великий режиссер Виктюк Роман. Поставил «Рогатку», а ведь он ее изувечил! Он превратил пьесу о преодолении одиночества в пьесу о чем? О тонкости сложных однополых отношений. Так это ж ведь не про то пьеса! Так? Или я знаю, мне одна женщина сказала: «Я пришла в театр Маяковского в Москве, на спектакль Арцибашева по пьесе там ... «Сказка о мёртвой царевне» — ушла со второго действия. Сплошной мат. Зачем нужно, чтобы меня материли со сцены, если я спокойно это услышу на базаре?» Понимаете, то есть артисты играют внешний план пьесы, и от этого Коляда многим непонятен. Его понимают плоско, одномерно. Ясно? А вместе с тем, очень важная вещь в пьесах Коляды. В этом я убедился, когда ходил в его театр. Он все-таки подбирает ребят, которые играют так, как ему надо. Играют в театре Коляды. Они что делают? Еще хочу такую формулу дать: «Они играют героев, которые играют». Непонятно? То есть каждый персонаж в пьесе Коляды, он сам играет. Я играю Подколесина, но Подколесин сам у меня еще играет. Понимаете? Поэтому они, они великолепно, на всю катушку выкладываются игрой. Это очень интересная техника. И колоссальный износ души и сердца. Вот говорят: «Сыграл в полноги». Слышали такое выражение? Они никогда не играют в полноги. Тут надо все наотмашь, если петь, так хорошо, если маршировать, то так, чтобы тряса пол, если кричать, так я не знаю, что там ... чтобы крыша поднималась. Они живут отчаянно полно, и это тоже особая поэтика Коляды. Я даже спросил, побывал у них на спектакле недавно, ну такой, не скажу, что один из лучших спектаклей. «Группа ликования». И там артист, который играл роль вот затейника и так далее. Он так играл, что потом я его спросил: «Ты не боишься, что у тебя будет инфаркт?». Он только развел руками⁹. Это такая отчаянная игра, такая выкладка, это нечто страшное. Но этого требует театр Коляды, понимаете? И вот поэтому-то я еще жду того как постепенно, вот из этих мальчишек и девчонок, которых собрал Коляда, постепенно, когда они заматеруют, вырастут действительно мастера театра Коляды, и будут режиссеры театра Коляды.

Вы можете сказать: «Коляда сам режиссер». Вот тут я оговорюсь. Когда режиссер ставит чужих авторов — это хорошо. Когда он ставит своих — я

⁹ Сергей Ровин скончался 25 февраля 2014 от остановки сердца. Роли: спектакль «Группа ликования» — Дед Мороз, полковник.

тут осторожен. Почему? Понимаете, драматург очень дорожит своим словом. Он уже всякую фитюлечку сберегает. Он боится тронуть, понимаете? Он очень трепетен в работе с текстом. А это сковывает его. Поэтому когда сам драматург себя ставит, тут есть опасность. Еще почему опасность? Понимаете что, вот когда режиссер берет мой текст, он его не просто раскрывает, он вступает с ним в диалог. Он пытается его понять, повернуть, поспорить с ним, развить, углубить и так далее, понимаете? Вот это, еще такого режиссера, который мог бы так хорошо, творчески свободно и вместе с тем понимающе работать с Колядой нету. Я ни одного не назову, никого. Ну, может у Галины Волчек это что-то получается в ее спектаклях, и то, потому что там есть несколько актеров, колядовского типа. Ну, кроме Ахеджаковой, я там рядом поставил бы кого? Вот эту Нину, как ее там... Забыл. Которая играет в «Мурлин Мурло». Она тоже отчаянно играет, она помните, потом играла в «Любовь и голуби». Нина Дорошина.

АТ: *В «Старой зайчихе» еще...*

НЛЛ: Вот. А больше... Может быть, я не видел спектакли, где бы эти артисты входили в Коляду как следует. Дальше что будет с Колядой? Он пишет, он работает. Он не бездельник, и может быть, он будет меняться еще. Я смотрю, какие-то изменения у него есть. Есть, вот уже пьесы, которые он написал в 2000-е годы: «Кармен жива», и этого же типа, вот они здесь напечатаны. Вот тут его свежее издание. Там уже его герои постарели, и все равно они держат хвост пистолетом. Понятно, да? Вот эта натура какая? Плохо, худо, но что, сложить ручки и в гробик? Живи, живи, бейся, колотись! Там в одной пьесе речь идет, о чем, по-моему, я забыл, в «Тутанхамоне», что ли, когда героиня говорит: «Вот тут у нас лампочка как-то так — играет». Когда входит, она зажигается, а когда сидишь, она не работает. Так ходи, ходи, чтобы лампочка горела! Понимаете, это принцип: ходи, чтоб лампочка горела. Это принцип, который герои Коляды как бы утверждают. Это их, когда-то говорят идеал, нет, не идеал, но это правило мироотношения: в этом мире много опасного, тяжелого, страшного, бесчеловечного — колотись, бейся, не соглашайся. Вот это Коляда.

АТ: *Тогда вопрос будет: для кого пишет Николай Коляда?*

НЛЛ: Он пишет для нас с вами. Он пишет для нормальных жителей России. Почему? Я повторю: потому что он рассчитывает на то, что его пьесы очень узнаваемы теми, кто в этой России вырос. Узнаваемы! И каждый из нас глядя на эту [нрзб.] опойку, говорит, э, у меня такой сосед. Или еще: а, у нас такой же был. Это все, даже парадоксальные коллизии, которые Коляда разыгрывает на уровне дикого гротеска, они просто усиливают, заостряют коллизии нашей повседневной жизни. То есть, придают им какую-то большую какую-то... вскрывают их драматизм, а то и трагизм. А так — это наша повседневность. Это наша не жизнь, а житуха. Понимаете, вот, и он рассчитывает на то, что я приду, поотдыхать, так, понаслаждаться,

посмотрю этот спектакль ... думаю, елки-палки, как же я живу. И у него хоть немножечко откроется. И в этом смысле Коляда, мне кажется, очень нужную работу делает. Вот я, знаете, люблю эстраду, но сейчас, когда я смотрю по телевизору эти пятничные передачи, во главе с этим самым русским купчиком Николаем Басковым, я о чем думаю: «Боже мой, сидят люди и так... ржут, юмор у них всех ниже пояса». Но они все пришли ради этого, чтобы расслабуху получить, поржать. А к Коляде придешь, сначала вроде-бы ржешь, а потом, что-то не то... мамочки родные, это же про меня. Оказывается, то, что я считаю нормой, это давно с точки зрения элементарных человеческих правил ненормально, патология. Вот это делает Коляда, так что он рассчитывает на всех. Сказать, что он рассчитывает на молодежь — не могу сказать. Он рассчитывает на нормальных людей, которые имеют жизненный опыт, опыт именно в какой-то мере памяти советской. Сейчас у нас в 90-е годы немножко другие изменения произошли, появились всякого рода дельцы, братки и прочие вещи, Коляда этого не пишет. Коляда опять-таки пишет повседневную жизнь людей, которые выросли в коммуналках. А коммуналки, это у нас — вот то самое светлое советское прошлое. С общими кухнями, когда тетеньки бьются друг об друга нижними бюстами, потому что их сильно много, с очередью в туалет, знакомо да? С дикими парадными, с кошачьими визгами, напоминающими детские вопли, это, это вот — наше. То прошлое, которое на нас висит. И я считаю, что это существенно, потому что именно это прошлое нам ужасно мешает жить и развиваться. Эти вериги на нас лежат, эти оковы на нас висят. Мы еще не перестали психологически быть другими. Понимать, что есть понятие личности, есть понятие уважения к человеку, есть понятие, что человек должен жить нормально, что ему должно быть удобно жить на белом свете. Мы же еще этого не понимаем толком. Мы же — ух, больно надо, ты посмотри, какой барин нашелся. А? А вот барин нашелся. Второй ведь раз он не будет жить уже. И запчастей у него нету. Значит надо, чтобы хорошо жил, чтоб жилось хорошо, чтобы детки красивые росли, чтобы одеть их красиво, чтобы учили их умные учителя, чтобы ездил по белу свету, чтобы они у него купались не только в озере Шарташ¹⁰ при морозе, а купались еще где, в Средиземном море, почему бы и нет? Понимаете, это что? Это норма! А мы обычно: О! Ишь чего захотел! А что захотел? Захотел норму. По которой живет уже все человечество, ребята, и давно. Вот что мы не увидим. Поэтому я считаю, что когда ставят Коляду за границей, они его ставят неудачно. Они, понимаете, не ощущают атмосферы эпохи, психологию людей, которые в этом мире живут. Им это непонятно. Им это непонятно, они сами социальные типы, которые рисует Коляда, не знают. У них другие социальные типы. Это иное, какой-то другой мир, понимаете? И поэтому вот,

¹⁰ Пригородное озеро в Екатеринбурге. Находится в пределах пешей досягаемости.

когда я читаю рецензии в зарубежной прессе на Коляду, я вижу что они...: «Здесь показывается советское прошлое, в нем рисуется и т. д.», понимаете, это как будто это познавательный спектакль. Это то же самое, как если я пойду посмотреть спектакль по пьесе Тенниси Уильямса «Трамвай Желание» и буду знать, как жили американцы в тридцатые годы двадцатого века. Какие у них были семейно-брачные отношения и так далее, понимаете? Ну что тут сказать, я не для этого пойду посмотреть спектакль. Вот у них вот этой повернутости в себя еще нет. Потому что это им далеко еще. Они не могут врать в сознание того мира, который для них, между прочим, иной мир. И непривычный мир.

АТ: Но почему тогда, на Ваш взгляд, к Коляде очень тянется молодежь? Во-первых, ходит на его спектакли, и любит его спектакли...

НЛЛ: Я объясню. Я объясню почему. Потому что у Коляды — не скучно. Потому что у него в театре, впервые играют, а не исполняют. Поняли разницу? Там играют — и ты здесь и ты заводишься, ты получаешь удовольствие, и ты смеешься, и плачешь. Ты сам как бы получаешь удовольствие от этого карнавала, который всегда получается у него: трагический карнавал, там, комический — ну неважно, все равно он есть, есть игра. Потому что у него есть игра. И это крайне важно. Потому что все забывают: когда люди идут в театр, они идут получать удовольствие от игры, игры, если нет игры — это скукота, даже поэтому и Чехова убивают. Поэтому и из Островского делают нудоту несусветную. Потому что нет игры. Вы посмотрите, что выделяют сейчас, допустим, эти великие наши режиссеры, Любимов, например, Юрий Петрович, или же Марк Захаров, они выдумывают, чтобы на сцене играли, чтоб пели, чтоб танцевали, чтоб была музыка, понимаете? Порой даже они перебарщивают. Вот Гамлет с гитарой. Или когда Миронов играл Гамлета у Камы Гинкаса — он с саксофоном — я вообще остервенел. Вы знаете, я тоже пурист — мне все-таки «Гамлет, Гамлет!», а тут стоит этот самый и играет на саксофоне. А потом, когда этот спектакль-то прошел (он у нас в цирке шел) одна девушка мне сказала... Я ей сказал так: «Вы знаете, этот Гамлет — для тинэйджеров». — «Что Вы, меня буквально трясло» — так она переживала... Я понял, что мы просто психологически по-иному настроены, у нас иной тонус. Но все равно — играть надо. А если нет игры — все, уходите из театра. Уходить надо из театра, артист должен быть человеком играющим. И обязательно, он не просто входит в чью-то роль, исполняет, он обязательно находит то, что делает эстетически значимым его действие. Он начинает создавать нечто иное — мимесис, понимаете, не буквальное, а дистанцированное. Игра — понимаешь, что играют, ясно — и ты войди в эту игру. Вот этим Коляда и хорош. Я уже сказал — они играют отчаянно. Это тоже доставляет удовольствие. Молодежи очень важно, — ведь смотри какие, молодые ребята, и как они работают. Ощущение еще второе, совершенно так сказать,

такое, привходящее — пока состав актеров у Коляды — это мальчики и девочки, они ровесники этих молодых зрителей и этим они тоже привлекательны для молодого зрителя. Я могу сказать, что не только молодые зрители любят Коляду, не только, не надо. Многие солидные, серьезные люди ходят, смотрят Коляду, более того, многие, не один, выдающиеся деятели культуры и искусства приезжают в Екатеринбург только для того, чтобы попасть на спектакли Коляды. Он не идет, извиняюсь, в наш оперный, в нашу драму, он — на Коляду, в этот маленький, несчастный домик¹¹. Потому что сегодня это — новое явление культуры, которое создал Коляда. Так что я тут не вижу большой разницы между возрастными группами. Ну и если есть какая-то — это несущественно. Это несущественно.

АТ: В чем, на Ваш взгляд, секрет успеха Коляды на Западе, например?

НЛЛ: Понимаете, я, во-первых, не видел постановки пьес Коляды на Западе. Мне трудно об этом судить. Но я полагаю, полагаю, что опять-таки секрет успеха в том, что он пишет ярко, празднично, понимаете, у него... он великолепный драматург, восстановивший искусство диалогового слова в драме. Понимаете, он это сделал лучше других. Лучше. Так? И он построен, честно говоря, еще на каких особенностях: на демократическом сленге, таком более таком доступном, чем допустим, Григорий Горин, у которого высокоинтеллектуальный юмор, горький юмор, саркастический юмор. А у Коляды юмор какой? Наш, свойский. Над которым надо герою подняться и увидеть, что за ним стоят слезы. Поэтому я убежден в том, что Коляду можно сыграть на Западе хорошо, если сделать абсолютно адекватный перевод, во что я не верю. Коляда пишет на таком языке, который очень русский. Понимаете? И все его фортели языковые, это ведь все за счет игры с русским: идиоматическими оборотами, всякими там словечками, которые так с подсигом и с подмигом. Так? А вот как это перевести? Может, есть какие-то гениальные переводчики? Не знаю, может быть и есть. Есть авторы, которых перевести очень... Того же Шукшина ужасно тяжело перевести. Понимаете? Вот автор... Астафьева тяжело. Автор, который пишет на таком вот игровом языке, он трудно переводим. Поэтому не знаю... А с другой стороны, ну что — свежий взгляд, свежие люди, интересные, видимо, для Запада персонажи, вероятно. Потом, понимаете, в театре нужно всегда что-то новое и свежее. Тот уровень, который сейчас есть в мировой драматургии, нельзя сказать, что он очень уж такой высокий, нельзя сказать, что там буквально расцвела драматургия во все концы. Популярным был театр абсурда, он много чего хорошего сделал, но извините меня, по сравнению с театром абсурда Коляда это просто пиришествво. Так? Это просто праздник! И знаете, от театра абсурда можно ведь и

¹¹ Имеется в виду старое здание Коляда-театра, Тургенева, 20. Театр переехал в новое здание на Ленина, 97 весной 2014 года.

устать. Он может быть скучным. А у Коляды скучно не бывает. Во и все. Еще?

АТ: *Какое культурное значение, на Ваш взгляд, имеет Уральская драматургическая школа под руководством Николая Коляды? То есть, ведь у него уже очень много последователей.*

НЛЛ: Да. Да, да, да. То что он... Давайте начну с чего... Для меня, в моих глазах, Коляда — это не просто очень интересный драматург, который уже вошел в историю российской драмы, и о нем уже появились диссертации, о нем написаны работы за границей. Так что не думайте, даже наши исследования, которые мы здесь пишем, уже переводятся и на голландские языки и так далее, так далее. О нем, о нем. Вопрос другой: он вообще человек, которого можно назвать словами Олега Ефремова, он когда-то Всероссийское театральное общество переименовал так: Союз театральных деятелей. Так вот Коляда — деятель, понимаете, и не только театральный. В отличие от Олега Ефремова даже — замечательного организатора. А он — культурный деятель. Посмотрите, значит, в-первых, он взялся вести курс в театральном институте. Кстати говоря, там два наших выпускника¹² прошли, они поучились сначала у нас, а потом у него. Таня Гарбар у него училась и Надя Колтышева. Они учились, они пошли к нему. Что делает Коляда с ними? Самое главное — он им не мешает. Поняли, он им не мешает. Он позволяет им, как говорится, выпендриваться, как хочешь. Порой, даже более чем. Я был у них председателем комиссии там, экзаменационной — это значит рецензировать надо пьесы. Ну, мы немножко поругали этих авторов, потому что им очень нравится именно как раз низовой сленг и прочие вещи. Так, но Коляда не вмешивается, Коляда не вмешивается. И тут есть одна особенность, на первых порах ученики Коляды старались идти за Колядой. Не то что они были заражены Колядой, понимаете... И отсюда возникало это подражание Коляде, а постепенно они заматерели, и в этой уже немалой команде учеников Коляды появились фигуры абсолютно такие весомые и самозначащие. Самая яркая фигура — это Василий Сигарев, который уже сейчас отпочковался и летит по своей орбите. Второй человек, который стал серьезной фигурой — это Олег Богаев. Остальные — ну не так, но посмотрите, что ни фестиваль, что ни конкурс пьес — ученики Коляды получают премии. Вот так, на общем фоне всероссийской театральной жизни они получают премии. Это одно. Второе, Коляда ведь не просто этих детишек учит, он издает сборники их пьес. Причем вопрос второй, где он добывает деньги, и сколько он своих личных гонораров вкладывает в эти издания, поверьте мне, что тут не обходится без его личного кармана. В-третьих, что он делает: вот у нас есть журнал «Урал», мы его очень любим, потому что все писатели, критики, литературоведы Урала, Большого Урала, охватывающего там и Ямал и Оренбургские степи, мы все сложились вокруг

«Урала». Мы съезжались туда, нас печатали, понимаете? Мы общались, мы ругались. Возникло уже несколько поколений писателей, которые прошли сквозь «Урал»... И вдруг в девяностые годы «Урал» умирает, потому что денег нет. Его с трудом вытаскивал из ямы Валентин Лукьянин¹³, это очень хороший критик и литературовед. Намучился со страшной силой, надорвался. Но все-таки он сумел журнал этот сделать органом как бы администрации нашей. И уговорил Коляду стать редактором журнала¹⁴. И Коляда пришел, и журнал проснулся, он заработал, колеса закрутились, он взял молодых сотрудников, они начали бегать — носиться. Короче, они стали собирать молодежь, какие-то тусовки, и клуб «Голядкин», понимаете, пошла, пошла компания... Он мне говорит: «Ой, Наум Лазаревич, у меня, портфель, смотрите, вот видите, два шкафа стоят, все забиты рукописями» — выбор у него, слава богу, есть. Хотя я полагаю, что 99% этих рукописей... недостойны, того чтобы их читали читатели, но важно то, что предлагают, важно то, что есть выбор. Важно то, что можно писать и можно печатать. И он мучительно спасает этот журнал, ужасно тяжело спасает, в последний год он ни рубля гонорара не смог платить авторам, и все авторы дали ему свои тексты — ни копейки гонорара, только чтобы окупить расходы: типографские, содержание сотрудников и на аренду.

И наконец, я еще говорю о чем. Посмотрите, Коляда как театральный деятель, вы все представляете, каким трудом он вышибал место для своего театра? Как трудно ему дали вот этот несчастный домик на Тургенева 20? И сейчас над ним издеваются. Понимаете, вот есть такое правило, какое-то мерзкое — когда имеешь, то не ценишь. Вот мы имеем очень интересное, очень яркое творческое явление, которое украсило наш город, которое стало сейчас в какой-то мере его вывеской, а мы даже не позаботимся о том, чтобы ему дать помещение, помочь ему. На черт-те что нам хватает: на ШОСы, на презентации, да, на какие-то там показухи, и на это находится. А вот чтобы дать деньги, чтобы он соорудил театрик какой, какой-нибудь старый, допустим, кинотеатрик, я не знаю где-что. Каких-то много дворцов культуры, которые пустуют, там хоть ему дать зал, и чтобы он там мог работать. Он же не гонится за крупной сценой, ему не нужна большая сцена. Так, очень большая ему не нужна. Он камерный, нет, не нужно. Вы знаете, что мне говорили когда-то — для нормального театра зал должен быть 700 мест. Семьсот! А дальше — малая сцена, ну пятьдесят человек, максимум на сто, вот так. Огромные театральные залы — это не то. Театр должен быть интимен. Это вам не спортивные соревнования. Вот значит Коляде — не дают. И я чего очень боюсь, что рано или поздно, ему скажут в каком-то городе: «Дорогой, приезжай к нам со своими ребятами, вот тебе место, вот тебе помещение, вот тебе условия — работай, и мы тебе будем говорить спасибо». И мы потеряем его. Вот это я буду считать преступлением

¹³ Валентин Петрович Лукьянин — в 1980–1999 гг. — главный редактор журнала «Урал».

¹⁴ Николай Коляда был главным редактором журнала «Урал» с июля 1999 до августа 2010 года. См.: <http://kolyadanik.livejournal.com/1257338.html>

¹² Выпускники филологического факультета УрГПУ.

наших властей, властей города Свердлов... Екатеринбург и Свердловской области. Преступлением. Понятно, да? И пусть они это знают.

Да, и что еще. Посмотрите, что делает Коляда: фестивали, то он у себя на даче фестиваль устроит, то читки устраивает тут, знаете, пьес. Он в Берлине тоже устраивал читки. Это же деятельность! Он мне жаловался, говорит: «Вы знаете, я стал значительно меньше писать пьес, просто много у меня уходит на всякого рода беготню, и всякого рода возню». Понимаете, есть такое понятие — лошадь впряглась в телегу и не может выйти из колеи. Она уже тянет в колее. Вот так он, тянет в колее. Мне его, честно говоря, в этом смысле жалко. Он очень творческий человек и главное, что он должен делать — писать! А все остальное ему должны помогать. И административно, и финансово, и архитектурно, черт знает как. Чтобы ему только было легче тратить время на писание, на постановки, на все, что хочешь. Собственно, на творчество! Творчество, понимаете? Это огромная ценность, и, к сожалению, время уходит, годы уходят, и масса вещей, которые готов сделать драматург, им не реализуется. Кто от этого проигрывает? Человечество! Я называю четко — человечество! А вы что думали? У меня все.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова О. В. «Психологический постмодернизм» Николая Коляды // Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е гг. XX в. — начало XXI в.). — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 633–656.

Возмищева Е. В. Функции ремарки в драматургии Василия Сигарева // Уральский филологический вестник. Серия: ДРАФТ: Молодая наука. — 2013. — № 5. — С. 244–250.

Данные об авторе

Лейдерман Наум Лазаревич — заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы, Уральский государственный педагогический университет; основатель и первый главный редактор журнала «Филологический класс».

About the author

Leiderman Naum Lazarevich — is a Honored Scientist of Russian Federation, Doctor of Philology, Professor Head of the Modern Russian Literature, Ural State Pedagogical University; the founder and first chief editor of the journal «Philological class».

Громова М. И. Творчество Николая Коляды // Русская драматургия конца XX — начала XXI века: учеб. пос. — М.: Флинта; Наука, 2005. — С. 178–188.

Жарский Я. С. Пьесы Николая Коляды: документальность как прием: автореферат дисс. ... канд. фил. наук. — Краснодар, 2015.

Жарский Я. С. Кинематографические приемы в пьесах Н. Коляды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 8–1 (38). — С. 72–75.

Канунникова И. А. Русская драматургия XX века: учеб. пос. — М.: Флинта; Наука, 2003.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. — Екатеринбург: УрГПУ, 2010. — 904 с.

Лейдерман Н. Л. Драматургия Николая Коляды: Критический очерк. — Каменск-Уральский: Калан, 1997. — 160 с.

Лейдерман Н. Л. Маргиналы Вечности, или между «чернухой» и светом // Современная драматургия. — 1999. — № 1. — С. 162–170.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Русская литература XX века. 1950–1990-е годы. В 2 т. — М.: Академия, 2008. — 413 + 689 с.

Липовецкий М., Боймерс Б. Николай Коляда: мелодраматическая альтернатива // Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 230–249.

Харибьянова Э. И. Художественное своеобразие драматической сказки Н. Колтышевой «Игорек в табакерке» // Уральский филологический вестник. Серия: ДРАФТ: Молодая наука. — 2013. — № 5. — С. 251–258.

Щербакова Н. Г. Театральный феномен Николая Коляды: автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. — С-Пб, 2013.